

Александр Брикнер

Светлейший князь Потёмкин-Таврический

Русский
Крым

Александр Брикнер

**Светлейший князь
Потёмкин-Таврический**

«ЭКСМО»

1891

Брикнер А. Г.

Светлейший князь Потёмкин-Таврический / А. Г. Брикнер —
«Эксмо», 1891

Полководец, дипломат, администратор, фаворит (а потом и тайный супруг) императрицы Екатерины II, Григорий Александрович Потёмкин (1739–1791) – одна из самых ярких фигур екатерининского царствования. Среди его трудов во славу Государства Российского присоединение и обустройство Новороссии и Крыма занимает особое место. За подвиги на этом поприще Высочайшим указом от 8 (19) июля 1787 года ему был пожалован титул Таврического и велено именоваться впредь светлейшим князем Потёмкиным-Таврическим. Выдающийся государственный муж и легкомысленный сибарит, устроитель государства и своенравный, корыстолюбивый аферист, герой и фанфарон, идеалист и циник, Потёмкин сочетал в себе культурную утонченность и варварство, гуманность и самодурство, огромный ум и взбалмошность. Биография Потёмкина, созданная русским историком Александром Густавовичем Брикнером, – одна из наиболее удачных попыток постичь всю сложность и глубину этой противоречивой натуры.

© Брикнер А. Г., 1891

© Эксмо, 1891

Содержание

Введение	6
Глава I	10
Глава II	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Густавович Брикнер

Светлейший князь Потёмкин-Таврический

«Как можно Потёмкина мне заменить? Все будет не то... Он был настоящий дворянин, умный человек, меня не продавал; его нельзя было купить».

Екатерина II

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Введение

Издавая стихотворение Державина «Водопад», Я.К. Грот заметил: «Справедливая оценка Потёмкина в настоящее время еще не возможна. Едва ли правы те, которые считают его за честолюбца, все приносившего в жертву своим личным видам. Безусловное к нему доверие императрицы в продолжение стольких лет заставляет предполагать в нем необыкновенный государственный ум и истинные заслуги»¹.

С тех пор как было сделано это замечание нашим знаменитым знатоком новой истории России, прошло более двух десятилетий. В продолжение этого времени было издано столько данных для истории царствования императрицы Екатерины II вообще и жизни и деятельности замечательнейшего из ее фаворитов в особенности, что в настоящее время нельзя уже более отрицать возможности справедливой оценки Потёмкина. Осторожные и неопределенные выражения маститого издателя трудов Державина о способностях и заслугах Потёмкина вполне подтверждаются множеством исторических материалов, опубликованных в последнее время, но еще не вполне разработанных специалистами.

Укажем вкратце на историю литературы о Потёмкине.

В Германии раньше, чем в России, были сделаны некоторые попытки составления очерков жизни и деятельности Потёмкина. Скоро после его кончины появились анонимные труды: «Anekdoten zur Lebensgeschichte des Reichsfürsten Potemkin. Nebst einer kurzen Beschreibung der ehemaligen Krimm» (Freistadt am Rhein, 1792) и «Privatleben des berühmten Russisch-Kaiserl. Feldmarschalls Fürsten von Potemkin Tawritscheskoy. Herausgegeben von S**» (Leipzig und Gratz, 1793). Эти книжки, скудные содержанием, представляют собою сборники анекдотов; в них отчасти есть и полемический тон; на каждом шагу встречаются несообразности и неточности.

В 1794 году появилось беллетристическое произведение «Pansalvin, Fürst der Finsterniss und seine Geliebte, so gut wie geschehen» (Germanien, 1794). Это роман-памфлет, направленный против любимца Екатерины. Автором его считают некоего доктора Альбрехта². Как передают, императрица не без удовольствия читала этот труд, в котором ее личность, под именем героини романа «Миранды», была выставлена в довольно выгодном свете³.

Гораздо большее значение имела биография Потёмкина, помещенная в журнале «Minerva», издававшемся в конце XVIII века в Гамбурге известным историком и публицистом Архенгольцем. Автором этого труда, обнимающего более 600 небольших страниц и появившегося в пятнадцати книжках этого журнала (от 1797 до 1800 г.), был саксонский дипломат Гельбиг, которому не без основания приписывают и другие сочинения по истории России в XVIII столетии, а именно сборник анекдотов под заглавием «Russische Gunstlinge» и биографию Петра III в двух томах, изданную в Тюбингене в 1809 году. Гельбиг находился в России в конце царствования Екатерины II. Не говоря уже о других причинах, заставляющих нас считать его автором биографии Потёмкина, необходимо указать на то обстоятельство, что многие обороты и отзывы в печатном труде дословно соответствуют разным местам в донесениях этого дипломата, хранящихся в Дрезденском государственном архиве⁴. Недаром Гельбиг называет свой труд сборником анекдотов. Множество данных, встречающихся в нем, выходят из рамки биографии Потёмкина и скорее относятся к царствованию Екатерины вообще. Автор далеко не беспристрастен. Он сильно предубежден против императрицы и ее друга и сотрудника. Не

¹ Сочинения Державина. С.-Петербург, 1864, т. I, стр. 476.

² См. соч. Блома Ein russischer Staatsmann. Leipzig und Heidelberg, 1857. II. 542.

³ См. соч. Гельбига в журнале «Minerva». 1797. III. 4. Там же дано объяснение и других лиц романа.

⁴ См. замечания Эрнста Германа в его сочинении, т. VI. 149. Русским переводом труда Гельбига, хранящимся в рукописи в Имп. Публ. Библиотеке в С.-Петербурге, пользовался Я.К. Грот при составлении комментария к сочинениям Державина.

без основания Екатерина ненавидела Гельбига и подумывала о довольно бесцеремонном удалении его из России. Так как главным источником при составлении сочинения Гельбига служили сплетни в среде иностранных дипломатов, то нужно пользоваться этим трудом с крайней осторожностью. Местами встречаются фактические неточности и промахи. Тон раздражения, в котором говорится о Потёмкине, придает этим статьям Гельбига характер памфлета или, по крайней мере, скорее публицистического, нежели серьезно-исторического, труда.

В несколько сокращенном виде журнальные статьи Гельбига о Потёмкине появились в 1804 году особою книжкою: «Potemkin. Ein interessanter Beitrag zur Regierungsgeschichte Katharina's der Zweiten». В 1808 году в Париже была издана французская редакция этого труда под заглавием: «Vie du prince Potemkin. Redigee par un offi cier française d'après les meilleurs ouvrages allemands et française, qui ont paru sur la Russie a cette époque»⁵. Воспроизведение этой книги на английском языке появилось в двух изданиях под заглавием: «Memoirs of the Life of Prince Potemkin. Comprehending Anecdotes of Catherine II and of the Russian Court. Translated from the German». London, 1812 и 1813. Мало того, первое сочинение о Потёмкине, появившееся на русском языке, «Жизнь генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического» (С.-Петербург, 1811 г., два тома) было просто переводом французского издания труда Гельбига, хотя нигде в книге не имеется на этот счет ни малейших указаний. Недаром граф Самойлов, племянник Потёмкина, в крайнем раздражении удивлялся в 1812 году воспроизведению на русский язык иностранных сочинений о Потёмкине⁶.

Совершенно противоположным направлением отличается сочинение графа А.Н. Самойлова «Жизнь и деятельность генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина-Таврического». Племянник знаменитого временщика говорит о нем не иначе как в тоне панегирика. Самойлов писал между 1812 и 1814 годами⁷. Его труд, однако, был напечатан лишь в 1867 году в «Русском Архиве». Несмотря на односторонность отзывов, суждений и выбора фактов, это сочинение может служить очень важным пособием при изучении жизни и деятельности Потёмкина.

Очерки биографии Потёмкина, помещенные в изданиях Бантыш-Каменского «Словарь достопамятных людей» и «Биографии русских генералиссимусов», не имеют особенного значения, так как они писаны в официальном тоне. Не без основания новейший биограф Потёмкина, М. Семевский, называет эти труды «формулярными списками, подцвеченными риторикой»⁸. Далеко важнее биография Потёмкина, составленная Надеждиным и помещенная в «Одесском Альманахе» на 1839 год.

Труд М. Семевского «Князь Г. А. Потёмкин-Таврический», помещенный в XII–XIV томах «Русской Старины», заслуживает полного внимания исследователей, занимающихся этим предметом. Значение монографии определено автором в следующих выражениях: «Не задаемся мыслию составления биографии Потёмкина, но, приступая к печатанию значительного собрания разнообразных документов, до него относящихся, признаем необходимым представить эти материалы в рамке из фактов его жизни с указанием по мере возможности и надобности на противоречия и некоторые погрешности биографов». Превосходство труда г. Семевского заключается главным образом в сообщении новых данных, ярко освещающих жизнь и характер Потёмкина. Так, например, особенно важно сообщение писем князя к Вар-

⁵ Мы имеем в руках 2-е издание этой книги, появившейся также в 1808 году. В каталоге «Russica» Публ. Библиотеки, I. 217, автором этого труда названа «M-me de Cerenville».

⁶ Нет сомнения, что резкие выражения Самойлова в начале его биографии Потёмкина («Русский Архив» 1867, стр. 583) относятся к русской редакции труда Гельбига. Он находит в нем «лживые сплетения и нелепости, которые здравым рассудком и соображением с законами и обыкновениями российскими сами собою опровергаются». Далее он высказывает удивление, что «цензура позволила такие бредни печатать» и проч.

⁷ В этом же труде говорится, между прочим, о Кутузове как о «незабвенном во веки спасителе отечества». Самойлов умер в 1814 году.

⁸ «Русск. Стар.», XII. 482.

варе Энгельгардт, к Прасковье Андреевне Закревской и т. п. Зато при разработке этого нового материала недостаточно было обращено внимания на печатную литературу, на различные издания, в которых встречаются данные о Потёмкине.

В 1888 г. появилось сочинение о Потёмкине под заглавием «S. Jean, Lebensbeschreibung des Fursten Gregor Alexandrowitsch Potemkin des Tauriers als Beitrag zu der Lebensgeschichte der Kaiserin Katharina II. Nach dem noch ungedruckten Ms. des Verf. frei aus dem Franz. übersetzt von einem seiner Zeitgenossen. Herausg. von F. Rothermel. Karlsruhe 1888». В «Deutsche Literaturzeitung» в начале 1889 г. мы высказались об этом сочинении, которое должно считаться подлогом. О секретаре князя, С. Жане, пока ничего неизвестно. К тому же множество промахов и недоразумений, встречающихся в этой книге, подтверждает предположение, что это сочинение скорее компиляция позднейшего времени, чем результат наблюдения человека, близкого Потёмкину. Довольно того, что тут рассказано об отравлении князя императрицею, о его намерении занять русский престол, о его плане сделаться герцогом Лифляндским, о том, что будто при Екатерине случаи жестоких казней происходили чуть ли не ежедневно и проч. Значит, тут не что иное, как неумелая мистификация.

И до появления в свет труда Семевского, и после этого, особенно же в продолжение последнего десятилетия, было издано множество материалов для истории царствования Екатерины, где роль князя Потёмкина занимает столь видное место. Самым важным вопросом должно считать отношение императрицы к Потёмкину. Благодаря изданию бумаг Екатерины, хранящихся в государственном архиве Министерства иностранных дел⁹, мы имеем возможность составить себе точное понятие о том месте, которое занимал Потёмкин в отношении императрицы. Далее были опубликованы депеши и донесения иностранных дипломатов, в которых очень часто и иногда очень подробно говорится о Потёмкине. О нем же идет постоянно речь в письмах и записках современников; на каждом шагу при чтении общедоступных исторических изданий («Русского Архива», «Русской Старины», «Древней и новой России», «Архива князя Воронцова» и проч.) мы встречаем следы деятельности светлейшего князя, письма, в которых о нем говорится более или менее подробно, анекдоты, имеющие источником устное предание, и т. п.

От С.Н. Шубинского мы получили в копиях довольно значительное число писем разных лиц к Потёмкину, а также и писем Попова к Безбородке о князе. Разработка этого отчасти очень интересного материала в частностях может воспоследовать лишь после издания этих писем, что обойдется не без затруднений, так как на многих письмах нет числа. Мы, однако, позволим себе воспользоваться для нашего труда некоторыми, впрочем немногими, выдержками из этих писем и при этом считаем приятным долгом выразить С.Н. Шубинскому искреннюю благодарность за сообщение для просмотра этих рукописных данных, которые при более подробном изложении жизни Потёмкина, как можно надеяться, отчасти окажутся достойными служить материалом при изучении частной жизни князя, истории его отношения к фаворитам, разным сановникам, лицам военного ведомства и проч.

Что касается административной деятельности Потёмкина, то она отчасти стала известною чрез публикацию многих писем и деловых бумаг Потёмкина и его сотрудников в различных изданиях, например в «Записках Одесского Общества Истории и Древностей», в «Сборнике Императорского Исторического Общества» и т. п. Правда, большая часть деловых бумаг, сюда относящихся, еще не издана. Так, например, почти все архивные материалы, хранившиеся в Решетиловке, имении наследников начальника Потёмкинской канцелярии В.С. Попова, остаются еще пока неизвестными. Поэтому полная и всесторонняя оценка всех частных дел Потёмкина как военачальника и правителя остается впереди.

⁹ «Сб. И. Общ.» VII, X, XIII, XXVII и XLII.

Тем не менее мы в настоящее время располагаем достаточным запасом сведений для составления возможно полного очерка биографии Потёмкина и оценки его личности и деятельности. Приступая к решению этой сложной и трудной задачи, считаем долгом заявить, что главное внимание в последующих главах обращено на вопрос о личном отношении Потёмкина к императрице Екатерине, и мы не имеем в виду разработки частных политической роли знаменитого фаворита.

Предоставляя будущим исследователям исчерпывать этот предмет при помощи всестороннего анализа и пока еще не изданных данных, мы довольствуемся сообщением и освещением важнейших фактов из жизни и деятельности друга Екатерины и подведением для общей характеристики Потёмкина итогов несметному множеству фактов и отзывов, разбросанных в исторической литературе и повременных изданиях. Занявшиеся после нас этим предметом – хотя бы даже при более благоприятных условиях, имея возможность начертить биографию Потёмкина в больших размерах и с сообщением гораздо большей массы фактов, – едва ли придут к новым результатам в отношении самых важных фазисов исторической роли Потёмкина и оценки преимуществ и недостатков нашего героя.

Глава I

Молодость Потёмкина (до 1774 г.)

Сведения о происхождении и молодости Потёмкина, основанные большею частию на устном предании, имеют лишь анекдотический характер и в значительной их части не могут считаться достоверными. Так, например, нет положительных данных о родстве Григория Александровича с известным русским дипломатом, Петром Потёмкиным, побывавшим при Алексее Михайловиче и Федоре Алексеевиче в разных государствах Западной Европы в качестве московского посла, но не отличавшегося ни политическим тактом, ни образованием. Во время «случая» Григория Александровича так мало знали о политической роли его мнимого родственника, что даже племянник знаменитого фаворита, Энгельгардт, относит путешествие Петра Потёмкина в Англию к эпохе Петра¹⁰, между тем как он был там гораздо раньше и умер до воцарения Петра Великого. В среде дипломатов, находившихся в Петербурге в то время, когда Григорий Александрович сделался князем и когда зашла речь о его родстве с Петром Потёмкиным, составление такой родословной считали или самообольщением, или обманом¹¹.

Мы не придаем также значения рассказу о происхождении рода Потёмкиных из Польши. Об этом говорят иностранные писатели, а также и Энгельгардт, между тем как у Самойлова, также близкого родственника Григория Александровича, не упомянуто об этом обстоятельстве.

Год рождения Потёмкина точно неизвестен; в различных источниках говорится то о 1736, то о 1739 году; у Самойлова показан 1742 год¹². Во всяком случае, Потёмкин был несколькими годами моложе Екатерины.

Родившись в селе Чижеве, близ Смоленска, Потёмкин, бывши еще мальчиком, лишился своего отца, Александра Васильевича, скончавшегося в 1746 году. Поэтому разные анекдоты о строптивом нраве сего последнего, безграничною ревностью якобы мучившего свою жену, мать Григория Александровича, не могут иметь для нас особенного значения¹³. Так как, однако, едва ли можно сомневаться в грубости нрава отца и в его жестоком обращении с женою, бывшею гораздо моложе его, то кончина отца для Грица – как называли дома способного мальчика – была скорее выгодною, чем потерей. Мать Григория Александровича, сделавшаяся впоследствии статс-дамою, была хороша собою и считалась умною женщиною¹⁴. После смерти мужа она переселилась в Москву, где жила под покровительством родственника, президента камер-коллегии, Григория Матвеевича Козловского, и где единственный сын ее вместе с сыном Козловского посещал учебное заведение Литкела в Немецкой слободе.

Сохранились некоторые анекдоты о честолюбии Потёмкина в юном возрасте. То он мечтал о проекте скупить когда-то множество домов за Яузою и выстроить преогромное здание;¹⁵ то он говорил своим товарищам: «Хочу непременно быть архиереем или министром»¹⁶, или:

¹⁰ Зап. Льва Ник. Энгельгардта. Москва, 1860, стр. 32.

¹¹ «Minerva», 1797, II. 8–9.

¹² «Minerva», 1797, II. 8. В биографии Потёмкина, помещенной в «Русской Старине» (XII, 485), сказано: «По некоторым сообщениям мы останавливаемся на 1739 г.», причем не говорится подробнее об источниках.

¹³ См. устные рассказы об отце Потёмкина между анекдотами, записанными П.Е. Карабанным, в «Рус. Старине», V, 463, и у Самойлова в «Р. Архиве», 1867, стр. 588.

¹⁴ См. замечания Карабанова в «Русской Старине», III, 39–40. На каком основании г. Семевский («Р. Ст.», XII. 485) считает Дарью Васильевну неспособною?

¹⁵ «Р. Ст.», V. 465.

¹⁶ Энгельгардт, 33.

«Так, так начну военной службой; а не так, то стану командовать попами»¹⁷. Нет сомнения, что впоследствии он неоднократно мечтал о посвящении себя монашескому званию и весьма часто занимался вопросами богословия. Энгельгардт замечает в своих «Записках» о Потёмкине: «Поэзия, философия, богословие и языки, латинский и греческий, были его любимыми предметами; он чрезвычайно любил состязаться, и сие пристрастие осталось у него навсегда; во время своей силы он держал у себя ученых раввинов, раскольников и всякого звания ученых людей; любимое его было упражнение, когда все разъезжались, призывать их к себе и стравливать их, так сказать, а между тем сам изоощрял себя в познаниях»¹⁸. Также и Самойлов рассказывает о страсти Потёмкина к наукам отвлеченным, к чтению классиков, о его уединенном прилежании¹⁹. В селе Татеве, куда он в молодости приезжал к родным гостить, сохранилось предание, что часто утром находили молодого Потёмкина спящим в библиотеке на стоявшем там биллиарде (уцелевшем до сих пор) – он просиживал за книгами целые ночи²⁰. Полезным наставником его был иеродиакон греческого монастыря Дорофей. Вступив в только что учрежденный московский университет, Потёмкин за свои дарования и успехи удостоился золотой медали, а затем, кажется, в июле 1757 года, находился в числе двенадцати лучших воспитанников университета, отправленных в Петербург и представленных императрице Елисавете Петровне. По возвращении в Москву он вместо участия в регулярных занятиях университетских увлекался самостоятельными работами, чтением книг и проч., вследствие чего был исключен из университета «за нехождение»²¹.

Во все это время Потёмкин, как это тогда было принято для молодых дворян, считался находившимся на военной службе с дозволением не являться на службу до окончания учения. В 1755 году он был записан в конной гвардии рейтаром; в 1757 году произведен в капралы; в 1758 – в ефрейт-капралы, а в 1759 году – в каптенармусы²².

По исключении из университета Григорий Александрович решил посвятить себя военной карьере. В числе лиц духовного звания, которых посещал Потёмкин в Москве, находился Амвросий Зертис-Каменский, бывший тогда архиепископом Крутицким и Можайским: он одобрил его намерение и дал ему на дорогу пятьсот рублей²³.

В Петербург Потёмкин прибыл в то время, когда там готовились чрезвычайно важные события. Во время царствования Петра III он сделался вахмистром, был взят ординарцем к принцу Георгу Гольштинскому и в то же время правил ротой, в которой он служил.

Участие Потёмкина в государственном перевороте 26 июня 1762 года обратило на него внимание Екатерины. О его сношениях с Орловыми до этого события мы не имеем никаких положительных данных. Есть предание, что он во время кризиса действовал в пользу Екатерины, уговаривал солдат объявить ее самодержицею... Обо всем этом не сохранилось достоверных известий. В какой степени трудно воспроизведение частных фактов, видно из следующего обстоятельства. Рассказывают, что Потёмкин в ту минуту, когда Екатерина 30 июня верхом, в мужском платье, во главе отряда войск отправилась в Петергоф, находился в ее свите; услышав, что императрица желает иметь темляк на шпаге, он сорвал свой темляк, подъехал к государыне и поднес ей желаемое украшение, чем обратил на себя внимание импе-

¹⁷ Карабанов, в «Р. Старине», V. 465.

¹⁸ Энгельгардт, 33.

¹⁹ «Р. Архив», 1867, 600.

²⁰ «Р. Архив», 1867, 600.

²¹ Бантыш-Каменский, «Биографии российских генералиссимусов» (СПб., 1840, II, 54), где указано на печатное объявление об исключении Потёмкина. Там же рассказан позднейший анекдот о том, как князь вспоминал об этом эпизоде.

²² См. данные Лонгинова в «Р. Архиве», 1867, стр. 954.

²³ Рассказ племянника Амвросия, отца известного историка Бантыш-Каменского. См. соч. последнего «Словарь достопамятных людей русской земли». Москва, 1836, IV. 197. Потёмкин эту сумму обещал с процентами возвратить впоследствии, но не исполнил обещания.

ратрицы²⁴. Самойлов, племянник Потёмкина, решительно отвергает достоверность этого анекдота на том основании, что Потёмкин, будучи еще унтер-офицером, не мог поднести своего темляка государыне, «поелику оный был не офицерский»²⁵. Однако сам Потёмкин рассказывал впоследствии Сегюру даже подробности об этом случае: как он подал темляк, как его лошадь, привыкшая к эскадронному учению, поравнялась с лошадью императрицы и, несмотря на все усилия, упорствовала удалиться, как императрица улыбнулась и проч.²⁶.

Как бы то ни было, императрица придавала участию Потёмкина в государственном перевороте некоторое значение. В ее письме к Понятовскому о частностях этого события, между прочим, сказано: «В конной гвардии двадцатидвухлетний офицер Хитрово и семнадцатилетний унтер-офицер Потёмкин направляли все благоразумно, смело и деятельно»²⁷.

Лучшим свидетельством и точною меркою участия Потёмкина в государственном перевороте 1762 года служат награды, которых был он удостоен за услуги, оказанные при этом случае Екатерине. Он получил 400 душ крестьян; далее в собственноручном расписании Екатерины о наградах по тому случаю сказано: «В конной гвардии вахмистр Григорий Потёмкин два чина по полку да 10 000 рублей»; в другом месте этого документа упомянуто о назначении Потёмкина камергером²⁸. Все эти награды были лишь предположением Екатерины, которая к тому же ошибалась, считая Потёмкина в 1762 году семнадцатилетним юношей: он тогда был, по крайней мере, тремя годами старше. Во всяком случае, в то время он не сделался камергером, а только камер-юнкером и был удостоен звания подпоручика.

Без сомнения, Потёмкин тотчас же после государственного переворота бывал часто при дворе и обращал на себя внимание императрицы. В устном предании сохранились некоторые анекдоты, за фактическую достоверность которых нельзя ручаться. Так, например, рассказано в сборнике анекдотов Карабанова: «Стараясь нравиться императрице, он ловил ее взгляды, вздыхал, имел дерзновение дожидаться в коридоре и, когда она проходила, упал на колени и, целуя ей руку, делал некоторого рода изъяснения. Она не противилась его движениям. Орловы стали замечать каждый шаг и всевозможно противиться его предприятию» и проч.²⁹. Самойлов рассказывает о следующем случае. Однажды за столом императрица обратилась к нему с вопросом на французском языке; Потёмкин отвечал ей по-русски. Кто-то из сановников заметил ему, что следует отвечать на том языке, на котором предложен вопрос. Нимало не смущаясь, Потёмкин возразил: «А я, напротив того, думаю, что подданный должен отвечать своему государю на том языке, на котором может вернее мысли свои объяснять; русский же язык учу я с лишком 22 года»³⁰. Митрополит Платон рассказывал, что Потёмкин был обязан своим возвышением умению подделаться под чужой голос, чем иногда забавлял Григория Орлова. Последний сообщил об этом государыне, и она пожелала видеть забавника. Потёмкин, о чем-то спрошенный Екатериною, отвечал ей ее же голосом и выговором, чем насмешил ее до слез³¹. Гельбиг рассказывает о ненависти братьев Орловых к Потёмкину в это время и сообщает довольно подробно о том, как однажды Григорий и Алексей Орловы воспользовались удобным случаем, чтобы начать с ним спор, и страшно избили его палками³². До чего доходят выдумки в отношении к этой эпохе жизни Потёмкина, видно из разных толков о лишении его одного глаза. Гельбиг рассказывает, что Потёмкин, бывши еще ребенком, как-то неосторожно

²⁴ Так, например, рассказано это в соч. Бантыш-Каменского «Словарь», IV. 198.

²⁵ «Р. Арх.», 1867, стр. 997.

²⁶ Ségur, «Mémoires ou souvenirs et anecdotes». Paris, 1827, II. 252.

²⁷ «La cour de la Russie il y a cent ans». Berlin, 1858 г., стр. 252.

²⁸ «Сб. Ист. Общ.», VII. 109, 110, 113, 115.

²⁹ «Р. Старина», V. 465.

³⁰ «Р. Арх.», 1867, 598.

³¹ «Р. Арх.», 1871, 459.

³² «Minerva», 1797, II. 429.

играл ножницами и при этом ранил себя в глаз³³. По другим рассказам, Потёмкин был изувечен во время драки с Орловыми; иные передают, что ему вышибли глаз нечаянно во время игры в мяч³⁴. Кастера сообщает, что Алексей Орлов своим кулаком лишил Потёмкина глаза³⁵. В примечаниях к «Запискам Энгельгардта» сказано, что Потёмкин окривел в 1766 году, во время ссоры с одним придворным, который шпагой выколол ему глаз³⁶. Правдоподобнее всех этих анекдотов оказывается повествование Самойлова, что Потёмкин однажды, заболев сильною горячкою и не доверяя медикам, велел отыскать мужика-знахаря, который обвязал ему голову и один глаз какою-то припаркою, лишившею его способности видеть этим глазом³⁷. Зато совершенно лишённым основания оказывается заметка в донесении сардинского дипломата, маркиза де Парело, что Потёмкин после этого несчастья совершил поездку в Париж для приобретения хрустального глаза³⁸. Потёмкин не лишился глаза, а только ослеп на один глаз. Это несчастье не могло не лишить его некоторой доли красоты, которою он отличался. Самойлов говорит: «Тогдашние остроумы сравнивали его с афинским Альцибиадом, прославившимся душевными качествами и отличною наружностью». Он описывает отчаяние Потёмкина по поводу этого несчастья, причем рассказывает подробно, как Потёмкин совершенно удалился от двора и от всякого общества вообще; в продолжение полутора лет он не выходил из дому, занимаясь чтением и приобретая множество познаний; он отрастил себе бороду и мечтал о пострижении в монахи, но любовь к нему одной красавицы и внимание императрицы принудили его оставить жизнь отшельника и возвратиться ко двору³⁹. Частности этого рассказа имеют анекдотический и даже легендарный характер. К тому же в рассказах других современников мы находим совершенно иное объяснение причины добровольного удаления Потёмкина от двора. В анекдотах, собранных Карабановым, странный образ действий Потёмкина объяснен его любовью к императрице⁴⁰. Разные рассказы согласны, однако, в передаче довольно важного обстоятельства: сама Екатерина позаботилась о привлечении вновь ко двору Потёмкина; исполнению ее желания должен был содействовать Григорий Орлов. Эти общие факты, как кажется, не могут подлежать сомнению, между тем как подробности этих рассказов не заслуживают серьезного внимания историков⁴¹. К тому же мы не имеем возможности определить точно время 18-месячного отшельничества Потёмкина.

Не только в биографии Потёмкина, составленной Самойловым, но и в других источниках говорится о путешествии Потёмкина в Швецию. Некоторые писатели относят эту поездку к 1762 году, утверждая, что Потёмкин был отправлен в Стокгольм к находившемуся там русскому посланнику, графу Остерману, с известием о воцарении Екатерины⁴². Самойлов, напротив, относит эту поездку к позднему времени, объясняя ее желанием Орловых удалить Потёмкина от двора, где он после только что упомянутого происшествия играл довольно важную роль⁴³. Как бы то ни было, путешествие Потёмкина в Швецию, о котором ничего не известно из документальных источников, не могло иметь какого-либо важного политического

³³ «Minerva», 1800, IV. 545.

³⁴ «Vie de Potemkine». Paris, 1808, стр. 19: «par l'atteinte d'une balle au jeu de peaufume».

³⁵ «Vie de Catherine II», II. 88.

³⁶ «Зап. Энгельгардта». 34.

³⁷ «Р. Арх.», 867. 599.

³⁸ «Сб. Ист. Общ.», XXVI. 312.

³⁹ «Р. Арх.», 1867. 599–603. Многие писатели относились без критики к рассказам об этом эпизоде, например, Блюм в своем сочинении о Сиверсе, II. 54–56.

⁴⁰ «Р. Старина», V. 466–467.

⁴¹ См., например, некоторые черты в рассказе Гельбига («Minerva» 1797. II. 443–446), где этот эпизод отнесен ко времени фаворита Васильчикова.

⁴² См., например, «Зап. Энгельгардта». 34; «Minerva», 1797. II. 20 и проч.

⁴³ «Р. Арх.», 1868. 604–605.

значения. Он не играл при этом роли дипломата, а был простым курьером. Замечанию Самойлова, что Потёмкин после возвращения из Швеции «не имел более у двора той приятности, какую пользовался до отбытия своего», мы не можем придавать особенного значения.

Зато мы узнаем на основании архивных данных, что Потёмкин во второй половине 1763 года был определен на службу в синоде. Сохранилась инструкция, составленная по этому случаю Екатериной для Потёмкина. Из нее видно, что он был помощником обер-прокурора⁴⁴. Потёмкину было тогда двадцать лет с небольшим. Недаром сказано в указе синоду, что он определяется на эту должность, «дабы он слушанием, чтением и собственным сочинением текущих резолюций... навикал быть искусным и способным к сему месту» и проч. О деятельности Потёмкина в синоде мы не имеем никаких данных.

Главным занятием Потёмкина во все это время была, как кажется, военная служба. В июле 1762 года он был представлен в корнеты, но императрица написала: «Быть подпоручиком»; 19 апреля 1765 года он был произведен в поручики; в этом же году он исполнял казначейскую должность и надзирал за шитьем новых мундиров; 19 июня 1766 года он получил командование 9-й ротой; в 1767 году с двумя ротами своего полка командирован в Москву во время комиссии об «Уложении».

22 сентября 1768 года Потёмкин сделался камергером, а в ноябре был отчислен от конной гвардии по воле императрицы как состоящий при дворе⁴⁵.

В 1767 году собралась известная «Большая Комиссия» для составления «Уложения». В занятиях этого собрания Потёмкин участвовал в качестве опекуна депутатов от татар и других иноверцев, которые выбрали его опекуном «по той причине, что они не довольно знают русский язык»; кроме того, он был членом «комиссии духовно-гражданской»⁴⁶. Более подробных известий о деятельности Потёмкина при этом случае мы не имеем. Во всяком случае, она прекратилась в то время, когда началась турецкая война, и Потёмкин, как и многие другие члены этого собрания, изъявил желание отправиться в поход. В заседании 2 января 1769 года маршал собрания А.В. Бибииков объявил, что «господин опекун от иноверцев и член комиссии духовно-гражданской, Григорий Потёмкин по Высочайшему ее Императорского Величества соизволению отправляется в армию волонтиром», и вследствие этого на его место нужно избрать другое лицо⁴⁷.

Мы не знаем, когда Потёмкин, отправляясь в армию, покинул столицу. Весною 1769 он обратился к императрице со следующим письмом, писанным 24 мая «в квартире князя Прозоровского» и обнаруживающим желание молодого честолюбца обратить на себя внимание Екатерины и отличиться воинскими подвигами. Мы передаем этот характеристический документ целиком. «Всемиловейшая Государыня! Беспримерные Вашего Величества попечения о пользе общей учинили отечество наше для нас любезным. Долг подданнической обязанности требовал от каждого соответствия намерениям Вашим, и с сей стороны должность моя исполнена точно так, как Вашему Величеству угодно. Я высочайшие Вашего Величества милости видел с признанием, вникал в премудрые Ваши узаконения и старался быть добрым гражданином. Но Высочайшая милость, которую я особенно взыскан, наполняет меня отменным к персоне Вашего Величества усердием. Я обязан служить Государыне и моей благодетельнице, и так благодарность моя тогда только изъяснится в своей силе, когда мне для славы Вашего Величества удастся кровь пролить; сей случай представился в настоящей войне, и я не остался в праздности. Теперь позвольте, Всемиловейшая Государыня, прибегнуть к стопам Вашего Величества и просить Высочайшего повеления в действительной должности при кор-

⁴⁴ См. «Сб. Ист. Общ.», VII. 316–318.

⁴⁵ См. данные, собранные Лонгиновым, в «Русском Архиве», 1867, стр. 594.

⁴⁶ «Сб. Ист. Общ.» VIII. 386. XXXII. 11. 78. 98.

⁴⁷ «Сб. Ист. Общ.», XXXVI. 156.

пуге князя Прозоровского, в каком звании Вашему Величеству угодно будет, не включая меня навсегда в военный список, но только пока война продлится. Я, Всемиловейшая Государыня, старался быть к чему ни есть годным в службе Вашей; склонность моя особливо к коннице, которой и подробности я смело утвердить могу, что знаю; впрочем, что касается до военного искусства, больше всего затвердил сие правило, что ревностная служба к своему Государю и пренебрежение жизни бывают лучшими способами к получению успехов. Вот, Всемиловейшая Государыня, чему научила меня тактика и тот генерал, при котором служить я прошу Вашего Высочайшего повеления. Вы изволите увидеть, что усердие мое в службе Вашей наградит недостатки моих способностей и Вы не будете иметь раскаяния в выборе Вашем. Всемиловейшая Государыня, Вашего Императорского Величества всеподданнейший раб, Григорий Потёмкин»⁴⁸.

«Квартира» князя Прозоровского в мае 1769 года находилась на Днестре, близ Хотина. Тогда именно русское войско готовилось атаковать эту крепость штурмом⁴⁹. Вскоре начались удачные действия Потёмкина, произведенного в генерал-майоры во время этого похода. Так, например, он отличился в авангардном деле под Хотиным (19 июня), далее при овладении (2 июля) турецкими укреплениями под Хотиным и (29 августа) в сражении, в котором верховный визирь, Молдаванджи-паша и крымский хан были совершенно разбиты и обращены в бегство. Затем, когда Румянцев в качестве главнокомандующего заменил Голицына, в самом начале 1770 года, Потёмкин успешно участвовал в сражении при Фокшанах (3–4 января);⁵⁰ об этом деле императрица Екатерина упоминала в составленном ею кратком хронологическом перечне событий кампании против турок, причем, однако, этот факт по ошибке отнесен ею к декабрю 1769 года⁵¹. Далее Потёмкин участвовал в сражениях при Браилове (18 января), командовал отрядом, двинувшимся к Бухаресту, содействовал генералу Штофельну в овладении Журжею (4 февраля), успешно преследовал турок, бежавших после дела близ Рябой Могилы, отличился в сражении при Ларге и Кагуле⁵², принимал деятельное участие в занятии Измаила⁵³, поразил турок у реки Олты⁵⁴, сжег город Цыбры, причем им было взято множество турецких судов⁵⁵.

Румянцев в своей реляции от 9 сентября 1770 года доносил о Потёмкине императрице: «Ваше Величество видеть соизволили, сколько участвовал в действиях своими ревностными подвигами генерал-майор Потёмкин. Не зная, что есть быть побуждаемому на дело, он сам искал от доброй своей воли везде употребиться. Сколько сия причина, столько другая, что он во всех местах, где мы ведем войну, с примечанием обращался и в состоянии подать объяснение относительно до нашего положения и обстоятельств сего края, преклонили меня при настоящем конце кампании отпустить его в С.-Петербург во удовольствие его просьбы, чтобы пасть к освященным стопам Вашего Императорского Величества»⁵⁶.

Мы не имеем точных сведений о пребывании Потёмкина в Петербурге между кампаниями 1770–1771 годов. Анекдотические рассказы, относящиеся к этому времени, не заслуживают особенного внимания. Говорили, что Екатерина была недовольна Потёмкиным за то, что

⁴⁸ «Русская Старина», XXIII. 716–717.

⁴⁹ См. мнение Прозоровского в военном совете 19 мая, в соч. Петрова, «Война России с Турцией» 1769–1774. С.-Петербург, 1866, I. 174.

⁵⁰ См. подробности у Петрова, II. 40 и след.

⁵¹ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 152.

⁵² Соловьев, «Ист. России» XXVIII, 117. Самойлов («Р. Арх.» 1867. 1000) замечает, что Потёмкин не принимал участия в Кагульской битве.

⁵³ Петров, II. 146.

⁵⁴ «Архив Госуд. Совета», 1.89.

⁵⁵ Соловьев, XXVIII. 219. И об этом событии Екатерина упомянула в вышеозначенной месте, см. «Сб. Ист. Общ.» XIII, 156. См. также некоторые подробности у Бантыш-Каменского «Биогр. р. генер.» II. 60.

⁵⁶ «Чтения Моск. Общ. Ист. и Др.». 1865. II, отд. 2. стр. 112.

он будто бы насмеялся над главнокомандующим, князем Голицыным, между тем как тот с похвалою отзывался о Потёмкине⁵⁷. Самойлов пишет, что императрица благосклонно приняла приехавшего в Петербург Потёмкина, но завистники его успели устроить дело таким образом, что Потёмкин недолго оставался в столице и скоро должен был вернуться в армию. Достоин внимания рассказ, что Потёмкин через библиотекаря императрицы Петрова и через Ивана Перфильевича Елагина, пользовавшегося доверием Екатерины, испросил дозволение писать к ней и получать через них словесные ее ответы. Карабанов, передающий этот факт, прибавляет: «С любопытством прочитывая все письма, она видела, с каким чувством любви и с какою похвалою изъясняется он насчет ее особы, сперва приказывала словесные ответы, а потом сама принялась за перо и вела с ним переписку»⁵⁸.

Мы увидим, что в позднейшее время войны, а именно в 1773 году, Екатерина действительно переписывалась с Потёмкиным. Вероятно также, что она неоднократно беседовала о нем с Елагиным и Петровым.

Уезжающему в армию в начале 1771 года Потёмкину императрица поручила купить для нее турецкую лошадь. Об исполнении этого поручения писал Румянцев к графу Н.И. Панину осенью 1771 года⁵⁹.

Так как изложение участия Потёмкина в военных действиях выходит из рамки нашего очерка, мы ограничимся указанием на некоторые подвиги его. Он участвовал между прочим в делах при Красове и Турно в 1771 году, в военных операциях близ Силистрии в 1772 году, находился вместе с Орловым в Фокшанах во время переговоров, происходивших в этом местечке, в 1773 году поразил турецкую конницу в сражении у Силистрии и т. д.⁶⁰

Не особенно выгоден отзыв кн. Ю.В. Долгорукого, участвовавшего в этой последней кампании и находившегося при Потёмкине близ Силистрии: «Как у Потёмкина никогда ни в чем порядку не было, а граф Румянцев его весьма уважал по его связям у «Двора» и проч.⁶¹

Достоин внимания то обстоятельство, что в начале 1773 года, когда императрица настаивала на переходе русских войск через Дунай, а Румянцев писал ей о неудобствах такого действия, Потёмкин находился в числе тех генералов, которые говорили против мнения Екатерины⁶². Последняя, сообщая Вольтеру в июне 1773 года о военных действиях, упоминала о подвигах Потёмкина⁶³. Несколько позже, осенью, узнав через Румянцева о смелых военных делах Потёмкина у Силистрии⁶⁴, Екатерина собственноручно писала Потёмкину 4 декабря 1773 года:

«Господин генерал-поручик и кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазенъем на Силистрию, что вам некогда письма читать; и хотя я по сю пору не знаю, предупела ли ваша бомбардирада, но тем не меньше я уверена, что все то, что вы сами предприимлете, ничему иному приписать не должно, как горячему вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному отечеству, которого службу вы любите. Но как с моей стороны я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то вас прошу по пустому не вдаваться в опасности. Вы, читав сие письмо, может статься, сделаете вопрос: к чему оно писано? На сие

⁵⁷ См. рассказ Самойлова в «Р. Арх.» 1867, 998, где приводится донесение Голицына, в котором сказано, что русская конница «до сего времени еще не действовала с такою стройностью и мужеством, как под командою генерал-майора Потёмкина».

⁵⁸ «Р. Старина», V. 466.

⁵⁹ «Сб. Ист. Общ.», IX. 427.

⁶⁰ См. между прочим рассказ Самойлова; подробности в сочинении Петрова.

⁶¹ Р. Старина (1889) т. LX, стр. 503.

⁶² Соловьев, XXIX. 11.

⁶³ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 343.

⁶⁴ «Сб. Ист. Общ.», XIII, 374.

вам имею ответствовать: к тому, чтобы вы имели подтверждение моего образа мыслей об вас, ибо я всегда к вам весьма доброжелательна».

Екатерина

Декабря 4 числа 1773 г.»

«Скажите и бригадиру Павлу Потёмкину спасибо за то, что он хорошо турок принял и угостил, когда они пришли за тем, чтоб у вас батарею испортить на острову».

Адрес этого письма писан рукою же императрицы: «Григорию Александровичу Потёмкину»⁶⁵.

Расположение Екатерины к Потёмкину предвещало важную перемену в жизни последнего.

⁶⁵ «Сб. Ист. Общ.», XIII. 373.

Глава II

Потёмкин в 1774–1776 годах

В продолжение 1774 года Потёмкин не участвовал в военных действиях. Он уже в начале этого года прибыл в Петербург. О времени его приезда и о подробностях его путешествия в столицу мы не имеем точных сведений⁶⁶.

Самойлов рассказывает, что Потёмкин отправился из армии в Петербург, «с тем чтобы не чрез чье-либо посредство, но прямым путем представить монархине основательные сообщения свои», что он, прибыв в столицу в январе 1774 года, остановился в доме зятя своего, Н.Б. Самойлова, и вскоре после приезда, чрез посредство Григория Орлова, виделся с императрицею в Царском Селе. Самойлов сообщает далее, что императрица дозволила ему написать к ней письмо с просьбою о пожаловании его в генерал-адъютанты. Сделав это, Потёмкин вскоре получил собственноручный ответ, в котором Екатерина, исполняя его просьбу, хвалила его за то, что он писал прямо к ней, а не искал повышения побочными путями⁶⁷.

Все это шло чрезвычайно быстро. Уже 1 марта 1774 года императрица могла сообщить Бибикову о назначении Потёмкина генерал-адъютантом. «Как он думает», – сказано в этом письме, – что вы, любя его, тем обрадуетесь, то сие к вам и пишу. А кажется мне, что, по его ко мне верности и заслугам, немного для него сделала, но его о том удовольствие трудно описать; а я, глядя на него, веселюсь, что хотя одного человека совершенно довольного около себя вижу»⁶⁸. 15 марта она писала к Бибикову: «Друга вашего Потёмкина весь город определяет быть подполковником в полку Преображенском. Весь город часто лжет, но сей раз я весь город во лжи не оставляю, и вероятие есть, что тому быть так»⁶⁹.

Поспешив затем удалить Васильчикова, осыпанного при удалении разными милостями, императрица в своих письмах к барону Гримму неоднократно в это время весьма выгодно отзывалась о Потёмкине. Так, например, она писала 19 июля 1774 года: «Генерал Потёмкин более в моде, чем многие другие, и смешит меня так, что я держусь за бока». В другом письме, от 14 июля: «Я удалилась от некоего прекрасного, но очень скучного гражданина⁷⁰, который тотчас же был замещен, не знаю сама, как это случилось, одним из самых смешных и забавных оригиналов сего железного века». Сообщая Гримму в письме от 8 августа, что у нее в работе постельное одеяло для ее собачки и что Потёмкин собирается украсть это одеяло для себя, Екатерина прибавляет: «О, какая славная голова у этого человека! Он более чем кто-либо участвовал в заключении этого мира⁷¹, и эта голова забавна, как дьявол»⁷².

Карьера Потёмкина наделала много шума. Жена новгородского губернатора Сиверса, находившаяся в это время в столице, писала мужу 31 марта: «Новый генерал-адъютант дежурит

⁶⁶ В XIII томе «Сборника Имп. И. О.», стр. 363, помещен рескрипт на имя генерал-майора Кара. Редактору этого тома, Я.К. Гроту, как кажется, принадлежит замечание в надписи, что этот рескрипт (от 10 октября 1773 г.) писан рукою Потёмкина. Возможно ли это? Мог ли в это время Потёмкин находиться в Петербурге? Очевидно, тут есть некоторое недоразумение. Можно ли утверждать, как то делает комментатор на стр. 395, что Потёмкин был вызван письмом Екатерины от 4 декабря 1773 г.? В письме от 4 декабря не заключалось приглашения в Петербург.

⁶⁷ Бантыш-Каменский, «Биогр.» II. 61, 62, сообщает оба письма дословно; ссылка: «Из портфелей Миллера, хранящихся в моск. архиве мин. ин. д.». У Самойлова («Р. Арх.» 1867, 1018) выписка из рескрипта императрицы, по содержанию схожа с документом, сообщенным Бантыш-Каменским. Тут, однако, рождается вопрос: почему это письмо Екатерины не издано в XIII томе «Сборника Ист. Общества»? Ведь там же изданы бумаги Екатерины, хранящиеся в государственном архиве. Неужели не были приняты в соображение «портфели Миллера»?

⁶⁸ «Сб. Ист. Общ.», XIII. 395.

⁶⁹ «Сб. Ист. Общ.», XIII. 396.

⁷⁰ Васильчикова.

⁷¹ Кучук-Кайнарджийского.

⁷² «Сб. Ист. Общ.», XIII. 409, 416, 432, 439. Те же письма еще раз изданы в XXIII томе, стр. 4, 6, 9.

постоянно вместо всех других... Говорят, он очень скромен и приятен». В другом письме, от 3 апреля: «Пока он живет у Елагина». Далее 10 апреля: «Покои для нового генерал-адъютанта готовы, и он занимает их; говорят, что они великолепны». 17 апреля: «Потёмкина хвалят; он состоит в хороших отношениях к Панину, который когда-то, в опасное время, спас его от происков Орловых и отправил его с каким-то поручением в Швецию. Я часто вижу Потёмкина, мчащегося по улице шестернею». В письме от 28 апреля г-жа Сиверс рассказывает о посещении императрицею театра: «Потёмкин был в ложе; с ним беседовали (т. е. императрица беседовала) много во все время представления; он пользуется большим доверием; говорят, что он отличается щедростью». 9 мая: «Недавно Потёмкин сделался членом Государственного совета; это маленькая пощечина для Брюса, который не принадлежит к этому собранию...»⁷³

Фонвизин 20 марта писал к Обрезкову в Букарешт: «Здесь у двора примечательного только то, что г. камергер Васильчиков выслан из дворца и генерал-поручик Потёмкин пожалован генерал-адъютантом и в Преображенский полк подполковником. Sapietiti sat»⁷⁴.

По поводу возвышения Потёмкина Петр Ив. Панин в письме к одному приятелю заметил (7 марта 1774 года): «Мне представляется, что сей новый актер станет роль свою играть с великою живностью и со многими переменами, если только утвердится»⁷⁵.

Также и иностранцы-дипломаты зорко следили за переменою, происшедшею при русском дворе. Так, например, прусский посланник граф Сольмс доносил 15 марта: «По-видимому, Потёмкин сумеет извлечь пользу из расположения к нему императрицы и сделается самым влиятельным лицом в России. Молодость, ум и положительность доставят ему такое значение, каким не пользовался даже Орлов... Граф Алексей Орлов намерен отправиться в Архипелаг раньше, чем предполагал, а князь Григорий Григорьевич, как говорят, высказывает желание уехать путешествовать за границу. Потёмкин никогда не жил между народом, а потому не будет искать в нем друзей для себя и не будет бражничать с солдатами. Он всегда вращался между людьми с положением; теперь он, кажется, намерен дружить с ними и составить партию из лиц, принадлежащих к дворянству и знати. Говорили, что он не хорош с Румянцевым, но теперь я узнал, что, напротив того, он дружен с ним и защищает его от тех упреков, которые ему делают здесь»⁷⁶.

Вопрос об отношении Потёмкина к Орловым Панину и другим вельможам казался весьма важным. В среде иностранцев в то время передавали следующий анекдот. Однажды Потёмкин подымался по дворцовой лестнице, направляясь в покои государыни, а князь Орлов спускался по той же лестнице, направляясь к себе домой. Первый из них, чтобы не казаться смущенным, обратился к своему предшественнику с приветствием и, не зная, что сказать, спросил его: «Что нового при дворе?» Князь Орлов холодно ответил: «Ничего, только вы подымаетесь, а я иду вниз»⁷⁷.

Особенно часто и подробно говорилось в это время о Потёмкине в депешах английского дипломата Гуннинга. Так, например, он писал 4 марта: «Васильчиков, способности которого были слишком ограничены для приобретения влияния в делах и доверия своей государыни, теперь заменен человеком, обладающим всеми задатками для того, чтобы владеть и тем и другим в высочайшей степени. Выбор императрицы равно не одобряется как партией великого князя, так и Орловыми...»⁷⁸ Это – Потёмкин, прибывший сюда с месяц тому назад из армии, где он находился во все время продолжения войны и где, как я слышал, его терпеть не могли...

⁷³ Blum, «Ein russischer Staatsmann», II, 20–24.

⁷⁴ «Р. Арх.», 1865. 854.

⁷⁵ «Р. Стар.», VIII. 343.

⁷⁶ «Р. Архив», 1873, 126–127.

⁷⁷ «Зап. Гордта», в «Др. и н. России» 1880. III. 526.

⁷⁸ См. анекдот о беседе Екатерины с Орловым, записанный М.С. Воронцовым в Арх. кн. Воронцова, ст. XXIII. Приложение стр. 21.

Он громадного роста, непропорционального сложения, и в наружности его нет ничего привлекательного. Судя по тому, что я об нем слышал, он, кажется, знаток человеческой природы и обладает большей проницательностью, чем вообще выпадает на долю его соотечественников, при такой же, как у них, ловкости для ведения интриг и гибкости, необходимой в его положении, и хотя распушенность его нрава известна, тем не менее он единственное лицо, имеющее сношения с духовенством». В конце апреля Гуннинг доносил: «Весь образ действий Потёмкина доказывает совершенную уверенность в прочности его положения. Он приобрел сравнительно со всеми своими предшественниками гораздо большую степень власти и не пропускает никакого случая заявить это. Недавно он собственной властью и вопреки сенату распорядился винными откупам невымодным для казны образом». В письме от 16 мая говорится: «Г. Потёмкин продолжает поддерживать величайшую дружбу с г. Паниным и делает вид, что руководится в совете исключительно его мнениями; в те дни, когда происходят заседания, он отделяется от прочих членов и держит сторону г. Панина». 13 июня: «Потёмкин назначен товарищем графа Захара Чернышева по военной коллегии. Это было ударом для последнего... Принимая в соображение характер человека, которого императрица так возвышает и в чьи руки она, как кажется, намеревается передать бразды правления, можно опасаться, что она сама для себя изготовит цепи, от которых ей впоследствии нелегко будет освободиться. Последнее ее распоряжение озаботило Орловых больше, чем все предыдущее. По этому поводу между ней и князем (Орловым) произошло нечто более простого объяснения, а скорее горячее столкновение, что, как говорят, расстроило ее до такой степени, как еще никогда не видали, а его привело к решению предпринять путешествие тотчас по возвращении из Москвы...»

И в дальнейших донесениях Гуннинга говорится о лишении Чернышева Потёмкиным всякого влияния, о соперничестве между ним и графом Орловым, о наградах, которыми императрица осыпала фаворита, и т. п. 12 апреля Гуннинг писал «секретно и конфиденциально»: «Насколько я могу судить на основании немногих случаев, встретившихся мне для разговора с ним, мне кажется, что он не обладает теми качествами и способностями, которые обыкновенно приписывались ему, но, напротив того, проявляет большое легкомыслие и пристрастие к самым пустым развлечениям». В одном из своих донесений Гуннинг писал, что Потёмкин нисколько не заботится о вопросах внешней политики; несколько позже он рассказывал, что Потёмкин в Государственном Совете предлагал воспользоваться беспорядками в Персии, между тем как Панин резко и энергично возражал ему, утверждая, что не должно вмешиваться в чужие дела, так что Потёмкин прервал прения с заметным неудовольствием. Вообще английские дипломаты доносили о постоянно возрастающем влиянии Потёмкина. В октябре Гуннинг писал из Москвы: «При назначении путешествия императрицы в Коломну в будущее воскресенье было позабыто о том, что в следующую среду именины графа Потёмкина, вспомнив о чем ее величество отложила на некоторое время предполагаемую свою поездку, с тем чтобы в этот день граф мог принимать поздравления дворянства и всех сословий, причем ей угодно было подарить ему сто тысяч рублей...» 5 февраля 1776 года Ричард Окс писал: «Влияние Потёмкина, без сомнения, достигло своего меридиана без малейших признаков уменьшения», а в марте он сообщал, что внимание, оказанное Екатериною князю Орлову во время болезни последнего, подало повод «к некоторому горячему объяснению» между императрицей и Потёмкиным. Далее сказано: «Хотя Потёмкин пользуется в настоящую минуту полною властью, многие под секретом предсказывают его падение как событие весьма недалекое. Но я думаю, что это следует скорее объяснить всеобщим к тому желанием, чем какими-либо положительными признаками. Доказательством дурного мнения о его характере служит то обстоятельство, что весьма многие поверили слуху (совершенно неосновательному) о том, будто бы он отравил князя Орлова. Правда, что зависть его ко всякому, кто пользуется малейшим отличием императрицы, чрезмерна и, как кажется, выражается таким образом и при таких

случаях, которые не могут быть приятны императрице, а, напротив, способны только внушить ей отвращение»⁷⁹.

В донесении другого дипломата в сентябре 1774 года сказано: «Потёмкин устранил всех лиц, казавшихся ему опасными; этим возвышается его сила. Он никем не любим; все его боятся»⁸⁰.

Довольно часто и подробно о Потёмкине говорится в это время в письмах статс-дамы графини Е.М. Румянцевой к мужу. Вот некоторые выдержки из этих писем (20 марта 1774 г.): «Много новизны; сколько нового переменялось по приезде Григория Александровича... все странною манерою идет... Он всех ищет дружбы. Александр Семеныч (Васильчиков) вчерась съехал из дворца к брату своему на двор... Ежели Потёмкин не отбоярит пяти братьев (Орловых), так опять им быть великими. Правда, что он умен и может взяться такою манерою, только для него один пункт тяжел, что великий князь не очень любит и по сию пору с ним ничего не говорит». В других письмах сказано о пожаловании Потёмкину больших имений. 2 февраля 1776 года графиня писала: «Григорий Александрович по наружности так велик, велик, что захочет, то сделает... он совсем другую жизнь ведет; вечера у себя в карты не играет, а всегда там прослуживает; у нас же на половине такие атенции в угодность делает, особливо по полку, что даже на покупку лошадей денег своих прислал 4000 р. и ходит с представлениями, как мундиры переменять и как делать и все на апробацию; вы его бы не узнали, как он нонеча учтив предо всеми. Веселым всегда и говорливым делается; видно, что сие притворное только; со всем тем, что бы он ни хотел и ни попросил, то, конечно, не откажут»⁸¹.

О занятиях Потёмкина делами во время его «случая», т. е. до 1776 года, сохранилось немного данных. По рассказу Самойлова, Потёмкин убедил Екатерину в неудобстве стеснения фельдмаршала графа Румянцева подробными инструкциями и в необходимости предоставления ему большего простора как в военных действиях, так и в переговорах о мире; вообще же Потёмкин, как сообщает Самойлов, оказывал влияние на ход военных операций распоряжением об отправлении новых полков на театр действий; далее он участвовал в принятии мер для борьбы с Пугачевым; а затем, «по соображениям Григория Александровича», была уничтожена Запорожская Сечь⁸².

В Государственном Совете, членом которого был назначен Потёмкин, он, как видно из протоколов этого собрания, нередко участвовал в прениях. Так, например, он делал предложения о размещении войск в Крыму, подавал свое мнение в вопросах финансового управления, сообщал свои соображения о дипломатических сношениях России с Портою после Кучук-Кайнарджийского мира...⁸³ Сохранились докладные записки Потёмкина о мероприятиях по поводу волнений в крестьянском сословии, о раздаче наград разным лицам с замечаниями Екатерины на полях⁸⁴. Также сохранилось некоторое число кратких записок императрицы к Потёмкину, относящихся к этому времени и заключающих в себе разные замечания о текущих делах. В некоторых записках говорится о беспорядках, состоявшихся в связи с Пугачевщиною, об отправлении войск в юго-восточную Россию, об участии Суворова в поимке Пугачева... Обо всем этом говорится как бы мимоходом, в тоне шуток; в этих записках Екатерина называет Потёмкина то «monseigneur», то «батенькою»⁸⁵. Как кажется, в некоторых случаях Потёмкин имел влияние на дела. Так, например, после кончины Бибикова, отправленного на восток для усмирения Пугачевского бунта, весь состав штаба войск был распущен по желанию

⁷⁹ «Сб. Ист. Общ.», XIX. 405–513.

⁸⁰ Herrmann, «Gesch. d. russ. Staats». V. 678.

⁸¹ См. «Письма графини Е. М. Румянцевой к ее мужу» (изд. гр. Д. А. Толстым). СПб. 1888, стр. 188–201.

⁸² «Р. Арх.», 1867, 1018–1027.

⁸³ «Арх. Гос. Сов.», I. 296, 301, 308, 326.

⁸⁴ «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 17–21.

⁸⁵ «Сб. Ист. Общ.», XIII. 403, 407, 412, 419–420, 436, 446.

фаворита⁸⁶. Круг деятельности его после назначения его в товарищи Чернышеву начальником военной коллегии сделался весьма широким⁸⁷. Державин неоднократно обращался к Потёмкину как к своему начальнику с просьбою об исходатайствовании наград за его подвиги во время Пугачевщины, и Потёмкин составлял по этому предмету докладные записки⁸⁸. В документах Государственного Совета и в рескриптах императрицы уже летом 1774 года говорится о Потёмкине как о «главном командире» или даже о «генерал-губернаторе Новороссийской губернии»⁸⁹. В этой должности он, между прочим, писал (16 июля 1774 г.) к князю В.М. Долгорукову-Крымскому о делах по вверенной ему губернии;⁹⁰ однако, как кажется, управление южною Россиею в это время не обременяло Потёмкина сложными и тяжелыми заботами.

Разумеется, возвышение Потёмкина было сопряжено с материальными выгодами и почестями всякого рода. Не говоря уже о щедрости Екатерины в отношении к денежным наградам, мы упоминаем о великолепной, украшенной драгоценными камнями иконе, которую императрица благословила его при назначении новороссийским генерал-губернатором⁹¹. В одной из записок Екатерины к Потёмкину, относящихся к этому времени, сказано: «Изволь сам сказать или написать к Елагину, чтоб сыскал и купил и устроил дом по твоей угодности. И я ему также подтверждаю...» В другой записке говорится:⁹² «Послушай, друг мой; твое письмо повело бы к длинным разсуждениям, если бы я пожелала ответить на него подробно, но я выбрала из него два существенных пункта: во-первых, касательно дома Аничкова; в Москве же требовали четыреста тысяч рублей; это огромная сумма, которую я и не знала бы, где достать, но пусть Елагин спросит о цене; может быть, он и дешевле: это дом необитаемый и грозящий разрушением; с одной стороны вся стена в трещинах; содержание и восстановление обойдутся, я думаю, недешево...»⁹³

⁸⁶ Грот, Державин, VIII, 126.

⁸⁷ Так, например, рескрипт о назначении 4 авг. 1774 г. графа С. Р. Воронцова в бригадиры подписан Чернышевым и Потёмкиным. См. «Арх. кн. Воронцова», XXVIII. 64.

⁸⁸ Грот, Державин, V. 269, 271, 293.

⁸⁹ «Арх. Гос. Сов.», II. 220., «Сб. Ист. Общ.», XIII. 418.

⁹⁰ «Зап. Одесск. Общ.», VIII. 191.

⁹¹ «Зап. Одесск. Общ.», X. 418.

⁹² Эта записка на французском языке.

⁹³ «Сб. Ист. Общ.», XXVII. 80 и 90.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.